

УДК 811.161.1'373.211.1

**Ментальный образ места поселения
как фрагмент языковой картины мира**

Васильева Т.Ю.

*УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»,
г. Витебск, Беларусь*

В статье на материале ойконимов Белорусского Поозерья моделируется ментальный образ места поселения, являющийся фрагментом языковой картины мира носителей топонимической системы. Ментальный образ структурируется на основе выделения семантических полей «местожительство» и «местонахождение», в составе которых фиксируются семантические модели, отражающие различные способы восприятия места поселения. Моделирование ментального образа места поселения позволяет ответить на вопрос, как ойконимия отражает стереотипы восприятия и осмысления окружающей действительности человеком.

Ключевые слова: ойконим, ойконимия, языковая картина мира, ментальный образ, семантическое поле, семантическая модель.

Важнейшая задача лингвокультурологии как одного из ведущих направлений лингвистических исследований – реконструкция традиционной языковой картины мира, составляющими которой являются ментальные образы, представляющие собой сложные единицы ментального уровня, сформированные в результате чувственно-эмпирического, психического и когнитивного опыта на основе обобщения впечатлений человека об объектах реальной действительности. Исходя из положения о том, что «любой пласт естественного языка, включающий в себя единицы с общей денотативной направленностью, кодирует информацию об определенном фрагменте действительности» [1, с. 4-5], можем заключить, что ойконимия, представляющая собой совокупность названий населенных пунктов, репрезентирует народные представления о месте поселения.

Целью настоящего исследования является моделирование ментального образа места поселения как фрагмента языковой картины мира, отраженного в коллективном сознании жителей Белорусского Поозерья и выраженного в системе названий населенных пунктов. Лингвистическое моделирование, представляющее собой комплекс исследовательских процедур, имеющих целью реконструировать фрагмент языковой картины мира на основе его репрезентаций в языке, является наиболее *актуальным* исследовательским приемом в антропоцентрической парадигме современного языкознания.

Важным для нашего исследования является вопрос о соотношении понятий «пространство» и «место». Интересным в данном аспекте представляется тот факт, что в списки главных категорий человеческого бытия, составленные ведущими когнитологами, включаются либо концепт места, либо концепт пространства. Рассматривая понятия пространства, места и предмета, Е.С. Кубрякова указывает на различие способов языковой объективации данных концептов: «в то время как концепты места и предмета образуют концептуальные основания такой части речи, как существитель-

ное, концепт пространства, формируя основу предлогов и некоторых других частиц, получает в языке широкое отражение и на других уровнях существования языка и в разных классах языковых явлений» [6, с. 84]. Исследователь отмечает, что понятия места и пространства в настоящее время рассматриваются как находящиеся в гипер-гипонимических отношениях. Так, Д. Лич определяет «место» как один из базовых параметров, использующийся для описания организации пространства наряду с такими понятиями, как «протяженность», «близость», «вертикальность» / «горизонтальность», «север» / «юг», «запад» / «восток», «ориентация», «движение», «виды передвижения», «поза» (положение человека в пространстве) [2, с. 84]. Кроме того, по замечанию Е.С. Кубряковой, понятия пространства и места вряд ли могут считаться равноценными с философской и логической точек зрения: понятие пространства является универсальной онтологической категорией, определяющей картину мира человека. Вместе с тем, поставив в своей работе вопрос о последовательности появления понятий пространства и места в генезисе сознания, исследователь отмечает, что если с современной точки зрения место объясняется через пространство, то с исторической точки зрения концепт места является первичным [6, с. 86]. Как пишет А.Я. Гуревич, «пространство в средние века понималось особым образом, – об этом свидетельствует и то, что такого понятия, собственно, тогда не существовало: *spatium* имело иной смысл – протяженность, «промежуток», *locus* же означало место, занимаемое определенным телом, а не абстрактное пространство вообще» [4, с. 85].

Исходя из вышесказанного, можно говорить о тесной связи понятий пространства, предмета (объекта) и места. На современном этапе место, подобно объекту, определяется через представление о части пространства (место – это часть пространства, занимаемая объектом и ограничиваемая им); подобно пространству, оно может характеризоваться как объем, плоскость, поверхность или точка.

Ментальный образ места, являющийся одним из магистральных образов картины мира, структурируется значимыми признаками данной географической реалии, репрезентированными в ойконимах и отраженными в семантических полях.

Выделение и описание семантических полей топонимов для реконструирования определенного фрагмента языковой картины мира проводится в работах российских исследователей. В исследовании Е.Л. Березович семантические модели объединяются в семантические поля, которые, накладываясь друг на друга, создают семантическое пространство топонимии. Располагая по вертикали семантического пространства поля, составляющие названия объектов одного вида, а по горизонтали – поля, выделяющие общие для разных видов объектов признаки, внутри поля – модели, различающиеся по способам характеристики объекта, исследователь фиксирует идеографическую сетку топонимов, являющуюся носителем информации о том, как осуществляется категоризация географического пространства в системе названий географических объектов Русского Севера [2].

В работе С.П. Васильевой на материале топонимов Приенисейской Сибири моделируются ментальные образы Человека, Пространства, Реки на основе структурирования идеографических полей, представляющих собой сферу понятийного содержания, обусловленного логикой предметного мира и человеческого мышления; в составе идеографических полей выделяются семантические поля и лексико-семантические группы, отражающие определенные фрагменты действительности [3].

На основе анализа лексико-семантических полей топонимов Краснодарского края (Кубани) и Республики Адыгея структурируются ментальные образы Человека, Реки, Горы в исследовании Е.Ф. Ковлакас [5].

Данные ойконимии Белорусского Поозерья для моделирования фрагмента языковой картины мира до настоящего времени к анализу не привлекались.

Для структурирования ментального образа места поселения, вслед за Е.Л. Березович, мы применяем следующую последовательность анализа: ойконим → семантическая модель → семантическое поле → ментальный образ. При этом семантическая модель, по определению исследователя, представляет собой «устойчивый смысловой инвариант, вариативно реализующийся в ряде конкретных названий»; семантическое поле – «диапазон моделей, выражающих сходные характеристики объекта» [2, с. 43].

Важным для исследования, имеющего целью структурирование определенно-го фрагмента картины мира, представляется тот факт, что «человеческое общество находится в постоянном движении, изменении и развитии, в разные эпохи и в различных культурах люди воспринимают и осознают мир по-своему, на собственный манер организуют свои впечатления и знания, конструируют свою особую, исторически обусловленную картину мира» [4, с. 27]. Приведенное утверждение позволяет предположить, что ментальный образ места, структурированный на материале топонимов, включает элементы различных исторических периодов.

С опорой на толкования значения лексемы *место*, представленные в различных словарях, можем выделить следующие магистральные способы восприятия места, зафиксированные в системе названий населенных пунктов Белорусского Поозерья: местожительство (место, где кто-нибудь живет постоянно), местонахождение (место, где кто-нибудь, что-нибудь находится), которые фиксируются семантическими полями «местожительство» и «местонахождение». Отражение данных способов восприятия человеком места поселения в системе названий населенных пунктов обуславливается влиянием эстралингвистических факторов. Так, формирование ойконимов, составляющих семантическое поле «местожительство» (*Абрамово, Авласы (2), Балаши, Бараны (2), Воропаево, Гавруши, Германовичи, Голубово (2), Демидовичи, Казаново, Климовичи, Ковалевичи, Козичи, Козловичи, Моисеенки, Морозенки, Науменки, Осипенки, Симоняты, Тихоняты* и др.), определяется как причинами социально-экономического характера (развитие частного землепользования), так и особенностями мировидения создателей топонимов, когда связь между человеком и природой, земельным владением и поселением на нем представлялась неразрывной.

В семантическом поле «местонахождение» выделяются две семантические модели, отражающие различные способы восприятия места поселения. В основах ойконимов Белорусского Поозерья, реализующих модель ‘место – «вмещающее»’, содержится указание на объект-ориентир, в пространство которого включается поселение в процессе номинации. В качестве ориентиров выступают как естественные, так и искусственные ландшафтные объекты, при этом если на ранних этапах формирования топонимической системы в основах ойконимов фиксировались преимущественно названия природных объектов (*Веретя, Гора (4), Гороватка (2), Горушка, Горы (3), Забелье (3), Заболотье (18), Загорье (4), Залесье (16), Замошье, Криницы, Озёры, Холм* и др.), то со временем круг топооснов расширился за счет лексики, обозначающей материальные объекты, созданные человеком (*Бояры – Бояры 1, Горовые – Горовые 1 – Горовые 2, Залесье – Залесье 1 – Залесье 2; Великая (Большая) Лысковка – Малая Лысковка, Великое (Большое) Тешелово – Малое Тешелово; Старая Белица – Новая Белица, Старое Запонье – Новое Запонье* и др.).

В качестве основания для выделения семантической модели ‘место – «вместилще»’ рассматривается фиксация в основах ойконимов локативов со значением «ограниченное пространство», указывающих на включенность объекта, названного локативом, в пространство населенного пункта. Фиксация в качестве объектов, относительно которых развивается топономинация, территориальных единиц (земельных участков (*Лядище, Ляды (3), Подоры, Пасеки* и др.), типов поселений (*Городок (5), Дворец (4), Село (2), Слобода (33)* и др.) и различных сооружений (хозяйственных построек (*Заборные Гумны, Стодола, Ферма* и др.), производственных предприятий

(Буда, Гута, Плитница, Поташня, Рудня и др.), располагающихся на территории поселения, обуславливается изменением представлений о пространстве в процессе хозяйственной деятельности человека.

В составе семантических полей «местожительство» и «местонахождение» присутствуют различные по времени формирования элементы: наиболее древними, характеризующимися длительным периодом функционирования, являются наименования, мотивированные названиями природных объектов (*Бор* (5), *Высокая Гора*, *Ручай*, *Сосновая Наспа*, *Старица* (3), *Сутоки* (3) и др.), и отгидронимные ойконимы (*Вымно*, *Иказнь*, *Орля*, *Освея*, *Полота* и др.). Самыми молодыми являются названия советского времени, мотивированные экономико-географическими терминами (*Заводский* (вариант *Заводской*), *Заготскот*, *Льнозавод*, *Осинторф*, *РТС*). Несмотря на то, что в различные исторические эпохи для формирования ойконимов отбирались различные языковые единицы (имя рода, семьи, отдельного человека; названия естественных или искусственных географических объектов), способы восприятия места поселения не претерпевали существенных изменений.

Выводы. Ментальный образ места поселения, структурированный на материале названий населенных пунктов Белорусского Поозерья, представляет собой фрагмент языковой картины мира, моделирование которого позволяет ответить на вопрос, как ойконимия отражает стереотипы восприятия и осмысления окружающей действительности человеком.

Полученные результаты могут применяться в качестве материала для сопоставления в исследованиях топонимических систем других регионов, а также для изучения ментальных представлений и стереотипов восприятия географических объектов разных типов.

Список литературы

1. Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е.Л. Березович; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 1999. – 39 с.
2. Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Е.Л. Березович ; под ред А.К. Матвеева. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 328 с.
3. [Васильева, С.П.](#) Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С.П. Васильева. – М. : РГБ, 2005. – Режим доступа : <http://www.rsl.ru>. – Дата доступа : 12.05.2011.
4. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Средневековый мир / А.Я. Гуревич. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 560 с.
5. Ковлакас, Е.Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.Ф. Ковлакас; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2009. – 51 с.
6. Кубрякова, Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств / Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина (отв. ред.) [и др.]. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 84-92.

Васильева Т.Ю. Ментальний образ місця поселення як фрагмент мовної картини світу // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65). № 1 – С.185-189

У статті на матеріалі ойконімів Білоруського Поозер'я моделюється ментальний образ місця поселення, що є фрагментом мовної картини світу носіїв топонімичної

системи. Ментальний образ структурується на основі виділення семантичних полів «місцепроживання» і «місцезнаходження», у складі яких фіксуються семантичні моделі, що відображають різні способи сприйняття місця поселення. Моделювання ментального образу місця поселення дозволяє відповісти на питання, як ойконімія відображає стереотипи сприйняття і осмислення навколишньої дійсності людиною.

Ключові слова: ойконім, ойконімія, мовна картина світу, ментальний образ, семантичне поле, семантична модель.

Vasilieva T.Y. **Mental image of the place as a part of linguistic picture of the world** // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65). No 1 – P.185-189*

Mental image of the place as a part of linguistic picture of the world of the bearer of toponymic system and as a complex mental unit is modeled in the article on the material of Belarussian Poozerje oykononyms. These units are formed as a result of perceptual empirical, psychological and cognitive personal experience. Mental image is structured according to the sorting of semantic fields that consist of the semantic models representing different ways of place perception. Based on the interpretation of the lexeme place given in various dictionaries two main ways of place perception are identified in the research. They are place of residence and location fixed with semantic fields 'place of residence' and 'location'. The representation of the given ways of personal perception of the place is influenced by extralinguistic factors such as the nature of the material culture of the society, the peculiarities of the world's vision by the creators of toponymic system. The modeling of mental image of the place as a part of linguistic picture of the world helps to answer the question how the oykonymy reflects the stereotypes of perception and interpretation of the reality by an individual.

Key words: oykonym, oykonymy, the linguistic picture of the world, the mental image, the semantic field, the semantic model.

Поступила в редакцію 08.04.2013 з.